

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Русский язык: Энциклопедия / Гл. ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997. 704 с., 16 с. вкл.

Второе издание энциклопедии "Русский язык" вышло в свет через 18 лет после первого, изданного под редакцией Ф.П. Филина [РЯ 1979]. В новом издании состав редколлегии существенно изменился. Попробуем в рамках рецензии проанализировать то положительное, что появилось во втором издании благодаря "смене караула", и то негативное, что — можно полагать — все-таки осталось от первого издания либо возникло уже при переиздании; естественно, преимущественное внимание будет уделено той сфере, в которой рецензент считает себя более или менее компетентным, — а именно истории языка¹.

Как явствует из аннотации, помещенной на задней стороне обложки, "в энциклопедии в популярной форме излагается все, что знает современная наука о русском языке". В самом деле — прекрасно изданный, набранный нетрадиционно крупным для энциклопедий шрифтом, снабженный множеством иллюстраций (в том числе и на цветных вклейках), подробными предметным и именовым указателями, массивный том второго издания энциклопедии разительно отличается от гораздо более скромной книжки первого издания. Правда, большая часть статей, с необходимыми дополнениями и исправлениями, перенесена из одного издания в другое — однако это ничуть не умаляет их новизны и актуальности, но, напротив, создает весьма благоприятное впечатление преемственности. Особенно отрадно, что во втором издании сохранены статьи ушедших от нас ученых — С.Б. Бернштейна, Т.Г. Винокура, Л.П. Жуков-

ской, А.А. Реформатского, Н.И. Толстого, Д.Н. Шмелева: их научное наследие живо, а значит — и мы продолжаем оставаться их современниками. Высокий уровень издания обеспечивается активным авторским участием виднейших представителей современной отечественной лингвистики — Н.Д. Арутюновой, Л.В. Бондарко, Т.В. Булыгиной, Ж.Ж. Варбот, В.Г. Гака, Е.А. Земской, Л.Л. Касаткина, Р.Ф. Касаткиной, Л.П. Крысина, В.В. Лопатина, А.Н. Тихонова, И.С. Улуханова, Н.Ю. Шведовой, Е.Н. Ширяева и др., написавших для энциклопедии по несколько, а иногда и по несколько десятков статей, которые отражают новейшие достижения в сфере русистики и общей лингвистики. Весьма обогатило второе издание привлечение к широкому участию в нем Ю.С. Степанова — автора целого ряда проблемных и максимально информативных статей по общим вопросам языкознания. Впрочем, даже и спорадическое появление в числе авторов таких крупных ученых, как А.В. Бондарко, А.А. Зализняк, Т.М. Николаева, В.М. Солнцев и др., безусловно, украшает энциклопедию.

Не будучи специалистом по синхронной лингвистике, рецензент не решается подробно рассматривать содержательную сторону статей, касающихся теоретических проблем, тем более что некоторые из них написаны, кажется, все же в недостаточно "популярной форме", чтобы быть понятными филологу, не занимающемуся соответствующими вопросами профессионально. Хотелось бы, однако, отметить, что четкость и строгая структурированность изложения отличает многие статьи по словообразованию и морфологии (например, "Повелительное наклонение" В.Н. Белоусова, "Инфинитив", "Способы глагольного действия" И.С. Улуханова,

¹ В целях экономии места и ввиду тривиальности большинства высказываемых критических замечаний отсылки к литературе приводятся главным образом в случаях прямого цитирования.

“Род” Ю.А. Сафоновой, “Словообразование” В.В. Лопатина и И.С. Улуканова, “Частицы” М.Г. Шур) и ряду других проблем (в частности, “Разговорный язык” Е.А. Земской, “Риторика” Л.К. Граудиной, “Русистика” Н.Ю. Шведовой, “Семантика”, “Семиотика”, “Языкознание” Ю.С. Степанова, “Слова-предложения” М.В. Ляпон, “Толковые словари” А.С. Белоусовой, “Фигуры речи” Ю.М. Скребнева). Следует также приветствовать введение в некоторые статьи информации о происхождении терминов и об ученых (научных школах), которые первыми разработали тот или иной вопрос (см., например, написанные В.В. Лопатиным статьи “Морф”, “Морфема”, “Морфемика”, статью Т.В. Булыгиной и С.А. Крылова “Референт” или статью Б.С. Шварцкопфа “Тире”). С другой стороны, трудно одобрить как недостаток иллюстративного материала (например, в статье “Сценическая речь”, где перечень особенностей классического сценического произношения занимает меньше места, чем список театральных постановок с диалектным или иноязычным речевым фоном), так и его избыточность (особенно в статье “Канцеляризм”, где пример из текста занимает почти половину общего объема статьи).

Основное замечание, которое вызывают многие статьи и синхронного, и диахронного цикла, состоит в неучете новейшей (а иногда и классической, но по-прежнему актуальной) литературы вопроса, в особенности зарубежной (ср. [Дюрович 1980]). Так, например, в статье “Переходность – непереходность” самая поздняя библиографическая ссылка датируется 1984 г. (причем речь идет о первой публикации монографии А.В. Десницкой, написанной в 1946 г.), а из многочисленных исследований иностранных авторов отмечена лишь общая работа Д. Лайонза в русском переводе (1978). В статьях “Падение редуцированных” и “Редуцированные гласные” ничего не говорится о специально посвященных редуцированным классических трудах Б.М. Ляпунова и В.М. Маркова. В статье “Возвратные глаголы” указана единственная монография по этой теме – почти сорокалетней давности работа Н.А. Янко-Триницкой, но не учтена книга Э. Генюшене по типологии рефлексивов, вышедшая как по-русски (1983), так и по-английски (1987). В статьях о примыкании, согласовании и управлении нет сведений об опубликованном в 1995 г. капитальном труде П. Шмидта и В. Лефельдта “Kongruenz. Rektion. Adjunktion”. Хотя энциклопедия была сдана в набор 04.03.96, мы не находим

в ней и упоминаний о книге А.А. Зализняка “Древненовгородский диалект”, также изданной в 1995 г. Подобные примеры можно множить и множить. Не исключено, что отсутствие ссылок на иноязычную литературу продиктовано популярным характером энциклопедии, – однако, во-первых, такие ссылки все же встречаются в ряде статей, а во-вторых, авторы энциклопедии, рассчитанной, очевидно, прежде всего на молодого читателя-филолога, должны были бы принять во внимание тот факт, что лингвистическая молодежь конца 90-х не чужда знанию иностранных языков.

Иногда в энциклопедии наблюдаются случаи противоречий между статьями, причем по самым конкретным вопросам, как, например, в датировке “Этимологического словаря русского языка” под редакцией Н.М. Шанского: если в статье “Исторические словари” время его выхода (вып. 1–8) определяется 1960–1980 гг., то в статье “Этимологические словари” – 1963–1987 гг. (т. 1–2). Вопреки недвусмысленной рекомендации ортолога – склонять по женской парадигме фамилии типа *Джикия, Данелия, Жордания* (статья Л.П. Калакуцкой “Фамилии”) – в энциклопедии (как, впрочем, и в других изданиях) почему-то никогда не склоняется фамилия *Телия*. Порой разные статьи, напротив, дружно сообщают неверную информацию: так, и в статье “Исторические словари”, и в статье “Лексикография” желаемое выдано за действительное и к четырем томам “Словаря древнерусского языка”, вышедшим в 1988–1991 гг., добавлен находящийся пока еще только в печати том V, якобы изданный в 1994 г.; едва ли правомерно выделять в особое склонение (как это делается во многих статьях) парадигму основ на *й, склонявшихся по консонантному типу.

Более существенное замечание, общее для большинства статей по современному русскому языку, связано с их принципиальной (и, на наш взгляд, принципиально неверной) установкой на строгую синхроничность. Думается, что в энциклопедии, посвященной не общим вопросам языкознания, не языковым категориям и явлениям как таковым, а конкретному языку, сведения о генезисе и развитии тех или иных явлений были бы далеко не лишними [ср., с одной стороны, статью М.А. Шелякина и В.Б. Силиной “Вид” или статью В.А. Плотниковой (Робинсон) “Прилагательное”, где необходимая историческая перспектива прослеживается, с другой – статью “Одушевленность – неодушевленность”, в которой эта категория

предстает как некая неизменная данность, или “Притяжательные прилагательные”, где нет ни слова об исконной разветвленности прежде столь многочисленного разряда, от которой в современном языке сохранились заслуживающие хотя бы упоминания реликты типа *Ярославль, господень*]. Порой искусственное разделение на синхронию и диахронию приводит к появлению в значительной степени пересекающихся статей, которые в идеале должны были бы составлять единое целое, описывающее эволюцию феномена вплоть до его современного состояния (“Вокализм” и “Гласные”, “Консонантизм” и “Согласные”).

Частные замечания (если не говорить об опечатках) по той части энциклопедии, которую условно можно назвать “современной”, таковы. Среди языков, использующих (или, по крайней мере, использовавших до самого последнего времени) кириллицу, не указан единственный иностранный неславянский – монгольский (статья “Алфавит”). В статье “Журналы лингвистические по русскому языку” не упомянуты “Известия по русскому языку и словесности”, выходившие вместо “Известий ОРЯС” в 1928–1930 гг., и почему-то вообще не говорится о зарубежных изданиях, прежде всего о журнале “Russian linguistics”. Трудно соотнести утверждение о том, что “по своей эмоциональной окрашенности О(бращение) близко к императиву и междометию и нередко употребляется вместе с ним (с чем? – В.К.)” (статья “Обращение”), с приведенными далее примерами, в которых нет никаких обращений: «Снег летит – гляди и слушай!», «Стойте – тотчас угадаю Горе сердца твоего». В статье “Окказионализмы” в качестве примера потенциального слова приведен глагол *джедльменствовать* (так!); хотелось бы думать, что его просторечный облик (вместо *джентльменствовать*) обусловлен только невнимательностью наборщика. Едва ли следовало полностью отказываться от изложения традиционной классификации придаточных предложений (в соответствующей статье). В статье “Топонимика” при перечислении лингвистических центров, в которых ведутся научные исследования в области топонимики, не назван Институт русского языка РАН; тем самым автор вольно или невольно проигнорировал топонимические работы сотрудников этого института О.Н. Трубачева и Г.П. Смолицкой (кстати, не указанные и в списке литературы). Неясно, о каком “Карловом университете в Польше” идет речь в статье “Частотные словари”: не

имеется ли в виду пражский Карлов университет?

И совсем уж непонятны причины появления в энциклопедии “Русский язык”, в статье “Языки народов России”, следующего пассажа: “В годы т.н. развитого социализма под лозунгом равноправного развития языков народов СССР проводилась языковая политика, к-рая по существу вела к русификации...” (и далее в том же духе). Приведенные в статье статистические данные убедительно свидетельствуют о том, что подавляющее большинство народов России считали и считают родными свои языки, а отнюдь не русский, – т.е. мнимая “русификация” никоим образом не вела к утрате национальной идентичности. Напротив, “устойчивая тенденция к национальному возрождению”, о которой с таким удовлетворением говорится в статье, за немногие годы, отделяющие нас от разрушения прежде единого государства, уже привела к закрытию русских школ, газет и театров, к низвержению памятников Пушкину, к осквернению могил русских солдат. Бездумное использование пропагандистского националистического жупела “русификации”, призванного прикрыть бесчинства “национальных элит” и подготовить почву для дальнейшего распада России, не делает чести ни автору статьи, ни энциклопедии в целом.

Что касается диахронической части энциклопедии, то важнейшим положительным отличием второго издания от первого является существенное приращение статей по историко-культурной и источниковедческой проблематике. В первую очередь здесь следует назвать цикл статей Е.М. Верещагина об освоении библейских текстов на Руси и их значении для русского литературного языка – “Апостол”, “Библия”, “Евангелие”, “Псалтырь”. Эти обширные статьи включают необходимые сведения о происхождении указанных памятников культуры, об их составе, времени перевода на старославянский resp. церковнославянский и русский языки, о древнейших списках этих переводов, об их бытовании на Руси и – что особенно важно – об их роли в обогащении словарного состава русского языка: каждая статья содержит перечень слов, словосочетаний и фразеологизмов, восходящих к библейским книгам. Квалифицированно написаны статьи об отдельных памятниках древнерусской письменности, прежде всего древнейших, датируемых XI в., и некоторых более поздних (“Архангельское Евангелие” А.Г. Кравецкого, “Изборник Святослава 1073”, “Изборник 1076” Г.С. Баранковой,

“Летописи”, “Остромирово Евангелие 1056–57” В.С. Голышенко). Удивляет, впрочем, почему среди статей о датированных текстах первого столетия русской книжности не фигурируют “Новгородские служебные минеи”. Весьма полезную информацию предоставляет статья “Картотеки лексики русского языка”, рассказывающая о картотеках Словаря русского языка XI–XVII вв., Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), Словаря русского языка XVIII века, Словаря русских народных говоров, Большой картотеке Словарного отдела, картотеке Словаря языка В.И. Ленина (очевидно, чрезвычайно интересной как для историко-лексикологических, так и для историко-грамматических исследований, но ныне, в духе времени, к сожалению, закрытой).

Менее удачны некоторые другие статьи по указанной проблематике – в частности, “Слово о полку Игореве”, из которой изумленный читатель узнаёт, что “исследователи 19 и 20 вв. объяснили темные места и исправили ошибки” (ах, если бы!), что “дискуссии 30–40-х гг. 20 в. ...разрушили аргументы скептиков” (как будто в 70–90-е гг. не появилась целая серия статей Р. Айцетмюллера, К. Троста и других немецких ученых, пытавшихся – не очень убедительно, но очень активно – приписать авторство “Слова” Н.М. Карамзину). Статья “Грамоты”, в которой центральное место занимает перечисление видов грамот (главным образом поздних), не дает никакой информации о древнейших грамотах (причем относит начало их распространения “в русском государстве” к X столетию, от которого до нас не дошло ни одной грамоты), о локальной принадлежности древнерусских грамот, наконец, содержит анахроничное положение об отражении в грамотах “взаимодействия местной живой народно-разг. речи с приказным письменным языком” (интересно, о каком “приказном языке” можно говорить применительно к Мстиславовой грамоте XII в.?). Статья “Памятники письменности русского языка 10–17 вв.”, включающая много верных рассуждений о “языковом стандарте”, “образцовых текстах”, “языковых установках” и т.д. – т.е. о материях, имеющих гораздо больше отношения к статье “История русского литературного языка”, – не сообщает, однако, ни о количестве дошедших до нас рукописей, ни об их хронологическом и территориальном распределении; отсутствует в ней и подробная жанровая классификация древних письменных источников, из которой читатель мог бы почерпнуть сведения о том, например, чем отличаются

служебные минеи от четых, что такое кормчие, кондакари, триоди или ирмологии, какие переводные хроники бытовали на Руси и т.д. Крайне скудны в статье данные об оригинальных древнерусских литературных текстах, ничего не говорится о значении записей писцов в рукописных книгах для истории живого языка. Нельзя не поразиться отсутствию даже упоминаний о Домострое, статейных списках, вестях-курантах, светской литературе XV–XVII вв. Возможно, эта неполнота обусловлена лимитом места, отведенного на статью; в таком случае остается только недоумевать, почему русской письменной культуре восьми столетий в энциклопедии “Русский язык” предоставлено всего четыре столбца – т.е. столько же, сколько “Бытийным предложениям” и “Речевому этикету”, и меньше, чем “Причастиям”. Наиболее странное впечатление в рассматриваемом цикле производит сверхкраткая и анонимная статья “Граффити”, почти без изменений перепечатанная из первого издания: помимо крайне лаконичных и неинформативных сведений о древнерусских надписях, она дает лишь две библиографические ссылки – на первую книгу С.А. Высоцкого (1966) и на недавнюю монографию Т.В. Рождественской (1992 – на самом деле 1991), но игнорирует последующие публикации Высоцкого и работы А.А. Мединцевой.

Однако слабее всего разработаны в энциклопедии вопросы собственно истории языка. Неточные формулировки в этой области начинаются уже с предисловия. Так, оценка созданных Кириллом и Мефодием “особых знаков-букв для передачи звуков славянской речи” как первого шага “к научному осмыслению прародителя русского языка” (с. 3) может вызвать у несведущего читателя неверное представление о генетической преемственности старославянского (основанного, как известно, на одном из диалектов древнеболгарского языка) и русского языков. Утверждение, согласно которому “вопрос о языковой, или литературной, норме возник... не ранее последней трети 18 века” (с. 3), выводит за рамки нормализаторских дискуссий споры Ломоносова, Третьяковского и Сумарокова. Признание “так называемой диглоссии” “фактом” (с. 4) упрощает и искажает далеко не однозначную трактовку этой проблемы в современной науке.

Различные недоразумения историко-лингвистического характера в статьях на общие и современные темы рассыпаны по всей книге. В частности, в статье “Аффикс” праславянский корень **sēd-* дважды

приведен без указания долготы гласного. Статья о букве И напрасно соотносит выражение *ставить точки над и* с кириллической буквой “и десятеричное”: в действительности это калька франц. *mettre les points sur les “i”*. В статье “Метатеза” польские формы типа *gród* безосновательно возводятся непосредственно к *gord и отождествляются с неполногласием: на самом деле эти формы, как и восточнославянские, восходят к полногласным сочетаниям типа **gorəd- > *gərod-*. Формы род. пад. *из пламя* (у Лермонтова), им. пад. *облак* (у Блока) в статье “Окказионализмы” отнесены к “поэтическим вольностям”, хотя склонение имен на *-мя* по образцу *поле* в литературном языке XIX в. вполне обычно и отражало, по словам Е.Ф. Будде [Будде 1901: 413], “живое произношение... в языке интеллигенции того времени”, а *masculinum облак*, еще совсем недавно использованный одним из современных поэтов и вызвавший целую пародию необразованного “смехача”, является исконной формой данного существительного (ср. у Даля: *облак* м. *облако* ср.). В той же статье объявлено окказиональным ударение *евнѹх* у Лермонтова – однако в XIX в. оно было нормативным (см. Даля, а также многочисленные примеры у Пушкина и других поэтов, как-то: *Меж ними ходит злой евнух, У двери знака ждет евнух, Пред ней лежит евнух седой* в “Бахчисарайском фонтане”) и поддерживалось как греч. *εὐνοῦχος*, так и соответствиями в латинском, французском, немецком языках. Слово *дети* – отнюдь не “первоначально форма мн. ч. слова *дитя*”, как сказано в статье “Супплетивизм”, а *plurale tantum* жен. рода *i-склонения (*дѣти*), в отличие от существительного сред. рода консонантного склонения *дѣтѣ*. Фамилия русских аристократов *Петрово-Соловово*, вопреки статье “Фамилии”, в обеих своих частях имела ударение не на последнем слоге, но произносилась *Петрѡво-Соловѡво*². Буква Э употребляется на письме не с XVI в., как утверждается в соответствующей статье, но по крайней мере со второй половины XIV в., ср.: *Прѣвѣчне крѣпче сѣ эль. бѣ кдине властне* (Сильвестровский сборник, 173в), *саваофе преславне. эль. эль. эль. эль* (там же, 173г; *эль* – передача др.-евр. ‘*el* “Бог”).

Конечно, такие огрехи в статьях по синхронному языкознанию вполне объяснимы. Более странно, что неспециалистам было доверено писать и некоторые статьи по истории языка, – это не могло не повлечь за собой досадных ошибок. Так, в статье “Двойственное число” отмечается, что слово *два* “в др.-рус. языке морфологически относилось к прилагательным”, – тогда как морфологически оно относилось к неличным местоимениям, ср.: *та дѣва, тѣ дѣвѣ – тою дѣвою – тѣма дѣвѣма* (кстати, слова от *одного* до *четырех* отнесены “к классу прилагательных” и в статье “Числительное”); форма *колени* возникла не из *колѣнѣ*, а из *колѣнѣ*. Статья “Древнерусский язык”, принадлежащая перу автора, который никогда не занимался древнерусским языком XI–XIV вв., содержит целый ряд неверных замечаний, недомолвок и оговорок: в частности, к числу восточнославянских черт относится употребление [ч] не только на месте *ij, но и на месте *kt перед *i (*ночь, речи*), да и перечень этих восточнославянских признаков не следовало бы ограничивать полногласием, [ч], [ж] и отсутствием носовых, запрятав остальные особенности, столь важные именно для характеристики древнерусского языка, под безликим “и др.” (надо ли говорить, что характерные черты древненовгородского диалекта изложены в статье еще лаконичнее?). Указание на то, что в склонении на *i “в именах муж. и жен. рода в конце основы мог выступать полумягкий согласный”, вынуждает предположить, что автору известны и примеры *i-*masculina* с исконно мягким согласным в исходе основы. Разделение прилагательных на качественные и относительные не оставляет места для весьма многочисленных и разнообразных в древнерусском языке притяжательных прилагательных. Употребление терминов “краткая” и “полная” форма применительно к древнерусским прилагательным неисторично. Положение о том, что “по синтаксической роли личные местоимения были сходны с существительными, а неличные – с прилагательными”, не учитывает неличных местоимений, функционировавших как существительные (например, *кѣто, чѣто, никѣто, ничѣто, и, иже*). Утверждение, будто “названия чисел до четырех грамматически сближались с прилагательными”, не совсем верно: слова *одинѣ* и *дѣва*, как уже отмечалось, с морфологической точки зрения являлись местоимениями. Среди глагольных категорий не названо наклонение,

² В книге Б.О. Унбегауна [Unbegaun 1972: 173, 406] приведено именно это ударение, сохранявшееся в памяти эмигрантов первой волны, но в русском переводе оно заменено аналогичным окончательным ударением [Унбегаун 1995: 139, 307, 348].

хотя ниже, в связи с -л-причастиями, упоминается “условное” (т.е., в научной грамматике, сослагательное) наклонение. Противопоставление “неопределенной формы – инфинитива” и “неизменяемой формы – супина” создает ложное впечатление “изменяемости” инфинитива, а перевод супинной конструкции *идаше цбрь погоубитъ града* как “пришел царь погубить город” придает имперфекту *идаше* несвойственное ему значение совершенного вида.

Автор статьи “История русского литературного языка” – специалист преимущественно по XVIII в. – провозгласил “Поучение Владимира Мономаха” “образцом житийного жанра”, приписал древнерусскому языку такие лексические русско-старославянские (точнее – церковнославянские) параллели, как *говорить* и *рещи*, *глаза* и *очи*, – хотя использование лексем *говорити* (в современном значении) и *глазь* – явление достаточно позднее. В той же статье встречаем следующую фразу (впрочем, не имеющую отношения к исторической грамматике): “Объединенные войска рус. княжеств под предводительством моск. князя Дмитрия Донского побеждают татаро-монг. войска в Куликовской битве (1380), тем самым уничтожается многовековое чужеземное иго на рус. земле” – но, к сожалению, татарское иго было свергнуто не “тем самым”, а лишь сто лет спустя. Основным недостатком разбираемой статьи является отсутствие упоминаний (за исключением последней позиции в списке литературы) о дискуссии, разгоревшейся в 80-е годы вокруг выдвинутой Б.А. Успенским теории диглоссии, существенно активизировавшей разработку проблем истории литературного языка (заметим при этом, что в компактной, но глубоко содержательной статье Л.Л. Касаткина “Церковнославянский язык” именно в связи с диглоссией дана отсылка к статье “История русского литературного языка”; ср. также лаконичную, но точную характеристику данного вопроса в статье Ю.С. Степанова “Язык художественной литературы”).

Но “что страннее, что непонятнее всего” – как могут неквалифицированные статьи и грубые ошибки выходить из-под пера, казалось бы, специалистов? Первая из таких статей – “Аорист” – начинается утверждением о том, что аорист обозначал действие, мыслившееся как “краткий, полностью закончившийся акт”; тут же приходят в голову хрестоматийные примеры типа: *написахъ же еу(г)лие се*. Замечательно, что в первом издании эн-

циклопедии в статье “Аорист”, написанной другим автором, не было речи о “краткости”; впрочем, при сопоставлении двух статей трудно отделаться от мысли, что автор текста во втором издании, не имея другого источника информации об аористе, порой просто переписывал предшественника, стараясь, однако, несколько разбавить его текст своими вкраплениями, ср.: “Аорист... – простая грамматическая форма прошедшего времени. Унаследованная из праиндоевропейского языка, некогда была свойственна всем слав. языкам, в т.ч. древнерусскому. Утрачена всеми восточнослав. языками... А. обозначал действие, совершенное в прошлом и мыслившееся как целиком законченный акт” (1-е изд.) – “Аорист... – простая (неаналитическая) грамматическая форма прошедшего времени древних славянских языков, и в т.ч. древнерусского, унаследованная из праславянского языка... и впоследствии утраченная всеми восточнославянскими языками. А. обозначал прошедшее действие, целиком завершённое в прошлом (!) и мыслившееся как краткий, полностью закончившийся акт” (2-е изд.). К числу инфинитивов на согласный напрасно отнесен глагол *идти*: такого глагола в древнерусском языке не было, и соответствующая форма выглядела как *ити* (< *eitei). Если появление формы 3-го л. мн. ч. простого аориста *идѧ* (вместо *идж*) в первом издании можно объяснить опечаткой наборщика, перепутавшего два юса, то повторение этой ошибки во втором издании (*несѧ* вместо *несж*) уже едва ли объясняется так просто. Однако автор статьи во втором издании не ограничился чужими ошибками и внес в парадигмы еще и такие фиктивные формы сигматического старого аориста, как *нѣсите* вместо *нѣсте* во 2-м л. мн. ч. и 3-м л. дв. ч. и *нѣста* вместо *нѣста* во 2-м л. дв. ч. Трудно безоговорочно согласиться с решительным заявлением о том, что “в др.-рус. языке формы простого А. не зафиксированы”: если говорить о языке восточнославянских рукописей, то в них формы простого аориста, перенесенные из южнославянских протографов, встречаются неоднократно, ср., например, в Захариинском паремейнике 1271 г.: и погнаша же ѡгоупѧне и вънидоу в слѣдъ ихъ. 9–10; идѧхоу три дѧи. въ поустыни. и не ѡбрѣтоу воды да быша пили. 10 в–г; и придоу въ климъ... и сташа тоу при водахъ. въздвигоу же сѧ Ѡ клима. и придоу въ вьсь 116 (Исх. 14, 23; 15, 22, 27;

16, 1). Напротив, хотелось бы увидеть примеры старого сигматического аориста от глагола *нести*, якобы представленные в древнерусском языке наряду с аналогичными формами глагола *речи*: если старый аорист типа *рѣхъ*, *рѣша* (а также *бѣша* – от *бѣчи*) действительно наблюдается в памятниках, то формы типа *нѣсѣ*, *нѣхъ*, *нѣша* нам до сих пор не попадались.

Несколько странных датировок обнаруживается в статье “Кириллица”: непонятно, почему “постепенное приобретение” буквой *ѣ* звукового значения [’а] и [ја] связывается с рукописями XII в., “пропуск букв Ъ, Ь” и “взаимная мена букв Ъ – О и Ь – Е” – с рукописями XIII в., а “мена букв Ъ – Е или Ъ – И” – со среднерусскими рукописями XIV в., – как если бы, например, в Изборнике 1076 г. и многих других рукописях XI в. не было написаний *ѣвленик*, *ѣаса* и т.п., в источниках XII в. – многочисленных свидетельств падения редуцированных, в древнейших новгородских и смоленских грамотах – смешения *ѣ* и *е*, а в новгородских берестяных грамотах с XII в. и галицко-волыньских памятниках с XIII в. – отражения перехода [ĕ] > [и]. В той же статье “взаимная мена букв Ц – Ч” напрасно ассоциируется только с новгородскими рукописями: известно, что цоканье зафиксировано в смоленских и тверских источниках.

В специальной статье о цоканье, почти без изменений перенесенной из первого издания во второе, также содержится ряд неверных положений. Не говоря уже о том, что сведение всех типов цоканья к произношению либо [ц’], либо [ц], либо [ч’] упрощает ситуацию в современных говорах, а утверждение о том, будто бы “Ц(оканье) никогда не было широко распространенной диалектной чертой”, игнорирует примеры смешения *ц* и *ч* в рукописях, написанных на обширных территориях Новгородской, Псковской, Смоленской, Тверской земель, – нельзя не оценить самым негативным образом предпринятые автором попытки объяснить генезис этого явления. Условиями, облегчившими его возникновение, автор считает “происхождение *ц* и *ч* из одной фонемы” и “отсутствие в языке слов и форм, к-рые противопоставлялись бы друг другу фонемами *ц* и *ч*”. Эти постулаты нетрудно опровергнуть: во-первых, *ч* восходит не только к *k, но и к *tj и *kt; во-вторых, смешение шипящих и свистящих, также

имеющих общие источники, охватывает значительно более узкий ареал, чем цоканье; в-третьих, формы, противопоставленные фонемами ⟨ц’⟩ и ⟨ч’⟩, причем перед разными гласными, на самом деле весьма многочисленны, ср.: *овьца* – *овьча* “ягненок”, *коньца* (род. пад.) – *коньча* (аорист), *моученице* (зв. ф. от *моученица*) – *моучениче* (зв. ф. от *моученикъ* и притяж. прил. сред. рода), *отроци* (мн. ч. сущ.) – *отрочи* (мн. ч. притяж. прил.), *дѣвица*, *дѣвицѣ*, *дѣвици*, *дѣвицоу*, *дѣвиць* и другие формы сущ. жен. рода – *дѣвича*, *дѣвичѣ*, *дѣвичи*, *дѣвичоу*, *дѣвичь* и т.п. формы притяж. прил. Видимо, автору лучше было бы привести иные “гипотезы о происхождении Ц(оканья)”, которые он не счел нужным хотя бы кратко изложить.

Следует заметить, впрочем, что другие энциклопедические статьи историко-грамматического содержания редко демонстрируют более двух ошибок, а иногда даже и вовсе свободны от ошибок. В статье “Вокализм”, помимо странного высказывания о том, что в древнерусском языке до середины X в. были фонемы *ѡ* и *ѣ*, “на письме обозначавшиеся буквами *ж* и *ѣ*” (желательно было бы уточнить, на чьем письме – древнерусском до середины X в.?), приведена лишь одна неправильная форма – *путь* вместо *путь* (разумеется, мы не говорим о трактовке дискуссионных вопросов, таких, как смягчение полумягких). В статье “Звательная форма” вокатив *братие* – от *jā-основного существительного *братия* – приведен среди форм “с древнейшими основами на *ѡ*, *й*, *γ*”, а форма ед. ч. мягкого варианта *ā-склонения *дѣвици* (вообще не звательная, а либо дат.-мест. ед. ч., либо им.-вин.-зв. дв. ч.), судя по всему, приписана *i-основам. В статье “Звуковые законы” первая палатализация заднеязычных напрасно отнесена к древнейшей эпохе истории русского языка – это изменение праславянского периода. Приходится разубедить автора статьи “Имперфект”: формы имперфекта “в церковно-книжных памятниках”, а также в летописях “широко употреблялись” не до XIV–XV вв., а до тех пор, пока эти памятники создавались и переписывались, – т.е. до XVII–XVIII вв.; фонема ⟨а⟩ после мягких согласных обозначалась на письме не только посредством *ѣ* (*несѣхъ*), но и с помощью *ѣ* (*несѣхъ*); среди реликтов имперфекта в современном языке, наряду с выражением *еле можаху*, следовало бы при-

вести и гораздо более частотное *ничтоже сумняшеся*.

Обобщающая статья “История русского языка” содержит несколько весьма спорных утверждений. Так, после обнаружения сотен берестяных грамот никак нельзя говорить о “скудости письменных источников”, которая “затрудняет достаточно полное выявление диалектных особенностей др.-рус. языка”, — по крайней мере в отношении древне-новгородского диалекта эти особенности выявлены теперь со значительной полнотой, и датировка его формирования второй половиной XII — первой половиной XIII в. по меньшей мере удивительна. Впрочем, трудно было бы ожидать глубины и основательности от статьи, в которой список литературы не включает ни трехтомной “Русской исторической грамматики” В.Р. Кипарского, ни двухтомной “Истории русского языка” А.В. Исаченко, ни работ А.А. Зализняка и Г.А. Хабургаева.

Название города *Вологда*, вопреки весьма устаревшей этимологии, приведенной в статье “Неполногласие”, не имеет ничего общего с *влагой* — как и другие севернорусские топонимы, это финноугризм. Форма *брьвьно* отнюдь не является исконной для *бревно*, как утверждается в статье “Падение редуцированных”, но обе они восходят к *брьвно* (с различной рефлексацией сочетания *-ьр-*). Положение об “исключительном” использовании *-л-*причастий для образования сложных форм времени и условного (*sic!*) склонения (статья “Перфект”) нуждается в коррективе: в действительности они употреблялись и в адъективной функции (ср. *пошьль, пришьль*); в той же статье неверно цитируется хрестоматийная Мстиславова грамота: вместо *азъ даль роукою свою* должно быть *а гзъ даль роукою свою*.

Весьма емкую и информативную статью “Праславянский язык”, думается, все же не следовало перепечатывать из первого издания энциклопедии без какого бы то ни было редактирования, поскольку в нее, к сожалению, вкралось несколько неточностей: так, лаконичное перечисление в одном ряду основ на *-s, -nt, -n, -r, -ū, -u, -i, -o, -ā* как “различавшихся набором флексий” наталкивается на тот факт, что консонантные основы и основа на *-ū*, входившие в одно склонение, флексиями не различались; праславянский язык знал не “только именные прилагательные, к-рые изменялись по типу основ на *-ŏ* и на *-ā*” (над *-a* — явно вследствие опечатки — поставлен знак краткости), но и адъективы на **-i-* и **-u-*; глагол

*besēdovati в обоих изданиях напечатан с *e* после *s*, что, по-видимому, исключает версию об опечатке; наконец, в списке литературы, приложенном к статье, почему-то не указана пятитомная “Сравнительная грамматика славянских языков” А. Вайана.

Теоретическая информация и толкования примеров, представленные в статье “Преждебудущее время” и сводящие значение этой формы к “будущему действию, к-рое завершится раньше другого будущего действия”, совершенно не согласуются с семантикой причастия прош. вр. на *-л-*, составлявшего ее знаменательную часть. Как убедительно доказал Г.А. Хабургаев, для данной конструкции характерно прежде всего значение прошлого действия, обнаруживаемого в будущем (см. [Горшкова, Хабургаев 1997: 315–319]), — значение, которое позволяет признать обоснованным и весьма удачным определение ее в большинстве употреблений как “предположительного склонения” [Зализняк 1995: 118, 159]. При чтении статьи “Стяжение гласных” создается впечатление, будто бы в русском языке это явление ограничено лишь современными говорами, так как автор не отметил исторические явления стяжения, например, в формах местоименных прилагательных.

В целом изложение проблем истории языка в энциклопедии нельзя признать вполне удовлетворительным.

Существеннейшим, фундаментальным — и крайне огорчительным — отличием второго издания энциклопедии от первого является принципиальный отказ от персоналий, объясняемый в предисловии (с. 5) стремлением избежать дублирования информации и наличием справочных изданий, в которых содержатся биографические и научные данные о лингвистах прошлого и настоящего. С обоими аргументами согласиться трудно. Дублирование информации наблюдается в рецензируемой книге столь часто, что иногда даже возникает подозрение об отсутствии должного редакторского контроля (ср., например, буквальные совпадения абзацев в статьях “Азбука” и “Буква”, постоянное повторение одних и тех же положений во многих статьях исторического цикла, как-то: “Вокализм”, “Древнерусский язык”, “История русского языка”, “Консонантизм”, “Падение редуцированных”, “Редуцированные гласные” и др.). Кроме того, утверждение о том, что информация об ученых содержится в статьях о соответствующих научных школах (с. 5), отчасти верно лишь применительно к

тем ученым, которые создавали школы либо принадлежали к ним, но никак не может быть отнесено к таким корифеям нашей науки, которые предпочитали работать в одиночестве и сами были больше чем школой, – А.Х. Востокову, Ф.И. Буслаеву, А.И. Соболевскому и др. Да и сведения о лингвистах, входивших в ту или иную школу (или просто условно “приписанных” к ней), в статьях об этих школах слишком кратки, чтобы можно было всерьез говорить о “дублировании информации” (см., например, голое перечисление фамилий А.С. Будиловича, М.А. Колосова, Б.М. Ляпунова в статье “Харьковская лингвистическая школа”); из статьи “Акцентология” никоим образом не следует, что одним из создателей русской исторической акцентологии был Л.Л. Васильев. Что же касается ссылки на другие издания, то прекрасный справочник М.Г. Булахова, изданный в Минске более 20 лет назад, давно стал библиографической редкостью (и, естественно, на 20 лет устарел), а справочник “Кто есть кто в современной русистике” (М., 1994), при всем стремлении к полноте, сообщает много полезного, в частности, о хобби современных русистов или о научной продукции авторов двух-трех статей в периферийных сборниках и зарубежных методистов русского языка, но игнорирует деятельность таких, например, ученых, как В.А. Белошапкова, Л.В. Бондарко, Д. Ворт, В.М. Мокиенко, Г. Хютль-Фольтер.

Особенно конспективно изложено в энциклопедии развитие и современное состояние зарубежной русистики. В статье “Русистика за рубежом” не упомянуты ни ценнейшие и полезнейшие труды польских ученых – обратные словари к “Материалам для словаря древнерусского языка” И.И. Срезневского и “Словарю языка Пушкина” (не говорится о них и в статье “Обратные словари”), ни пражская “Русская грамматика” (1979), ни фундаментальные многотомные “Wörterbuch der russischen Gewässernamen” М. Фасмера и основанный им же “Russisches geographisches Namenbuch”. Абзац об американской русистике сводит интересы наших коллег из США к синхронии – хотя названные среди них Р. Якобсон, Г. Лант, А. Тимберлейк, Д. Ворт и не названные Х. Бирнбаум, У. Шмальстиг, К. ван Схоневелд, Э. Кленин и другие ученые внесли весьма важный вклад прежде всего в историческое изучение русского языка. Среди имен зарубежных русистов, бегло перечисленных в статье, мы не находим ни болгарского исследователя Д.С. Станишевой, ни немцев Б. Панцера,

Х. Ротэ, Р. Эккерта, Х. Кайперта, В. Лефельдта, ни венгра И.Х. Тота, ни французов Ж. Леписье, М. Феррана, Р. Комте, М. Гиро-Вебер, ни норвежцев Г. Хетсо, А. Граннеса, Я.-И. Бьёрнфлатена, ни шведов С. Густавссона и Л. Стенсланда, ни датчанина П. Дурст-Андерсена, ни финнов К. Лиукконена и Х. Томмола, ни вообще кого бы то ни было из австрийских, нидерландских и бельгийских русистов (напомним хотя бы об ученом с мировым именем, венском профессоре Г. Хютль-Фольтер, о лучшем зарубежном исследователе новгородских берестяных грамот голландце В. Вермеере, его соотечественнике, крупном текстологе В. Федере и известном своими нередко спорными работами по медиевистике бельгийце Ф. Томсоне); просто неприлично, что известный датский славист Адольф Стендер-Петерсен назван – видимо, по аналогии со шведским писателем Августом Стриндбергом – А. Стриндером-Петерсеном (эта ошибка перенесена и в именной указатель).

Подробную информацию об идеях и трудах выдающихся русистов, вероятно, призвано заменить визуальное знакомство с ними благодаря помещению на страницах энциклопедии многочисленных портретов ученых – что отчасти продолжает традиции первого издания и, разумеется, заслуживает всяческого одобрения. Обращает, однако, на себя внимание то обстоятельство, что в книге не нашлось места для портретов Востокова, Буслаева, Соболевского, Будде, Щепкина, Карского, Ляпунова, Истрина, Чернышева, Каринского, Ильинского, Пешковского, Истриной, Селищева, Обнорского, Булаховского, Ларина...

Плачевная ситуация с персоналиями во втором издании энциклопедии, лишаящая молодое поколение русистов сведений (в том числе и библиографических) об ученых, которые составляют гордость отечественной науки, и о лучших зарубежных славистах, находит естественное продолжение в “Аннотированном именном указателе” к книге. В идеале указатель содержит фамилию, имя (и отчество) ученого, даты жизни и название страны, где он работал или работает. На практике, однако, мы встречаем ошибки и пробелы по всем этим позициям. Крайние случаи – это неправильное воспроизведение фамилии, имени, отчества, неверная идентификация того или иного лица и, наконец, неучет исследователей, упомянутых в тексте. Так, В.В. Бородич представлена в указателе как “Бородин”, латвийский методист Борис Федорович Инфантьев – как “Инфантьева Б.Ф.”, О.Г. Порохова – как “Пороховая”,

Р. де Соссюр – как “Соссюор” (и потому помещен по алфавиту раньше Фердинанда де Соссюра), Э.А. Штейнфельдт – без конечного *m* (так, впрочем, и в тексте двух статей), нидерландский славист Йос Схакен – как “Шекен” (так и в тексте статьи), Владислав Маркович Иллич-Свитыч превращен в “Вл.”, т.е. “Владимира”, Игнатий Викентьевич Ягич – в “Викторовича”. Следовало бы догадаться, что Анна Зиновьевна Розенфельд (р. 1910) никак не может быть отождествлена с А. Розенфельдом, который, согласно статье “Изборник Святослава 1073”, “в 1899 первым дал законченное описание языка рукописи”. В рецензируемую энциклопедию перекечало из “Лингвистического энциклопедического словаря” объединение двух тезок А.В. Поповых – индоевропеиста, ученика А.А. Потебни, и монголоведа; Попов, упоминаемый в статье “Харьковская лингвистическая школа”, действительно скончался в 1880 г., но родился не в 1808 (т.е. на 27 лет раньше своего учителя), а в 1855. Фигурирующий в двух статьях автор одной из первых русских грамматик Генрих Вильгельм Лудольф (1655–1712) заменен в указателе его дядей, немецким ориенталистом Иовом Лудольфом [Unbegaun 1959: xiii–xiv] (причем в тексте статей фамилия “нашего” Лудольфа снабжается инициалом И.). Не может не удивлять отсутствие в указателе многих имен, отмеченных в тексте энциклопедии, например, Е. Дограмаджиевой (статья “Палеославистика”), А.Ф. Журавлева, А.Б. Пеньковского, Т.М. Судник, С.М. Толстой и др. (“Этнолингвистика”).

Еще чаще, однако, составителю указателя не удавалось раскрыть инициалы – по причине “недостатка справочной литературы” (с. 691). Между тем работы большинства перечисляемых далее ученых есть в каталоге РГБ, да и любой мало-мальски начитанный славист мог бы сообщить имена Моше Альтбауэра, Эмилии Благовой, Радослава Вечерки, Зои Гауптовой, Карла Гутшмидта, Пауля Дильса, Бернарда Комри, Станислава Кохмана, Этторе Ло Гатто, Никиты Александровича Мещерского, Казимежа и Лешека Мошиньских, Василия Васильевича Нимчука, Линды Садник, Патрика Серию, Марии Александровны Соколовой, Капитолины Ивановны Ходовой, Андерса Шёберга, Игоря Шевченко, Райнера Эккерта, не говоря уже о всемирно известном философе Мартине Хайдеггере.

Труднее, конечно, установить год рождения здравствующих и даты жизни покойных исследователей, особенно зарубежных. Многие из ныне работающих

русистов, однако, включены в справочник “Кто есть кто в современной русистике” – например, У. Биргегорд, Б. Комри, П. Серию, о некоторых можно было бы навести справки в академических институтах или вузах. На двадцать лет указатель “состарил” американского слависта М. Флайера. Кончина Г.А. Хабургаева датирована 1993 г., тогда как в действительности его не стало в 1991. Гораздо хуже, однако, что только годы рождения приводятся для ученых, ушедших от нас до сдачи энциклопедии в набор, – В.Р. Кипарского, И.Б. Кузьминой, А.С. Львова, Ф.В. Мареша, Й. Хамма.

Даже определение стран, где работали или работают зафиксированные в указателе ученые, вызвало ряд затруднений и недоумений, которые, думается, легко могли бы разрешить авторы соответствующих статей. Так, из указателя никак не явствует, что А. Достал и Ф.В. Мареш последние 30 лет своей жизни, после 1968 г., работали не в Чехии, а соответственно в США и Австрии, что научная деятельность А.В. Исаченко, наоборот, протекала не только в США и Австрии, но прежде всего там, где он прожил большую часть жизни, – в Чехословакии, что Марио Капальдо – это один из крупнейших итальянских медиевистов, что В.Р. Кипарский – глава финской славистики, а не путешественник из Финляндии в “Зап. Берлин и др.”, что К. Мошиньский и Л. Мошиньский – знаменитые польские слависты, а Р. Айцетмюллер, Л. Садник и Р. Эккерт – немецкие, что В.В. Нимчук живет на Украине, Ж. Триомф – во Франции. Неупоминание страны пребывания способно навести читателя на мысль о том, что монреальский и парижский профессор Igor Mel’čuk все еще остается нашим соотечественником, тогда как эксплицитное указание на Россию в сведениях об авторе этих строк – единственном из всех русских, советских, российских исследователей удостоившемся такой чести – кажется уже просто необъяснимым.

Поскольку составитель указателя и Редакция заранее поблагодарили читателей “за все замечания и поправки и особенно за сведения, которые восполнят имеющиеся в указателе пробелы” (с. 691), что побуждает надеяться на возможность исправления ошибок и восполнения пробелов в будущем, мы рассматриваем приведенные замечания к указателю как посильный вклад в третье издание энциклопедии. Однако следует подчеркнуть, что и перечисленных, и не перечисленных ошибок и пробелов могло бы вообще не быть, если бы “Ан-

нотированный именной указатель" был заранее направлен на просмотр и редактирование в русистические и славистические институты и на кафедры ведущих вузов.

Впрочем, предварительный сторонний взгляд был бы отнюдь не лишним для всей энциклопедии – между тем в книге нет сведений даже о титульных рецензентах. К сожалению, келейность подготовки издания никоим образом не могла способствовать устранению отмеченных недостатков. Речь вовсе не идет о "ловле блох" – хотя, конечно, лучше не "чесаться", а вылечиться от них. Дело в другом: энциклопедия "Русский язык" – это лицо современной отечественной русистики, и не хотелось бы видеть на этом лице ни следов затянувшейся юношеской незрелости, ни признаков рамолитического разложения. Слишком высок уровень большинства статей по синхронной и теоретической лингвистике, по источниковедению и культурно-исторической тематике, чтобы безропотно наблюдать, как на страницы энциклопедии проникают невежество и халтура – которые,

смеем уверить, отнюдь не определяют облик современной исторической русистики*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Будде Е.Ф. 1901 – Из истории русского литературного языка конца XVIII и начала XIX века // ЖМНП. 1901. Ч. 333.
- Дюрович Л. 1980 – // R Ling. 1980. V. 5. Рец.: Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. 1997 – Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., испр. М., 1997.
- Зализняк А.А. 1995 – Древненовгородский диалект. М., 1995.
- РЯ 1979 – Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.
- Унбегаун Б.-О. 1995 – Русские фамилии / Пер. с англ.; общ. ред. и послесл. Б.А. Успенского. 2-е изд., испр. М., 1995.
- Unbegaun B.O. 1959 – Henrici Wilhelmi Ludolfi Grammatica Russica, Oxonii A.D. MDCXCVI. Oxford, 1959.
- Unbegaun B.O. 1972 – Russian surnames. Oxford, 1972.

В.Б. Крысько

Большой толковый словарь русского языка. СПб.: "Норинт", 1998. 1536 с.

Институт лингвистических исследований Российской академии наук выпустил Большой толковый словарь русского языка (БТС-98). Составитель и главный редактор С.А. Кузнецов. Уже беглое знакомство с этим словарем свидетельствует о том, что перед нами – яркое произведение русской лексикографии.

Этот словарь полнее других (в частности, при своих 446,42 уч.-изд. листах, он в три раза объемнее известного одностомного толкового словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, который имеет в издании 1997 – 145,7 уч.-изд.л.). Полнота ощущается не только в доведении словника до 130000 слов, но и в усилении информативности словарных статей.

Новизна и общеизвестность, актуальность и жизненная необходимость принятых в словарь слов сразу обращают на себя внимание. Научность словаря сочетается с его доступностью и открытостью для читателя малоподготовленного и не искушенного в словарном деле. Ясность и четкость трактовки слов удачно уживаются со стремлением к сжатости и краткости.

Впервые в отечественной лексикографической традиции в толковом словаре нашлось место для разговорно-окрашенного и сниженного лексического пласта действи-

тельно активных и всем известных слов (многие из которых, увы, не служат украшением нашей речи, однако не могут продолжать оставаться без внимания со стороны ведущих словарей). Наконец появился словарь, который отказался от неграмотной пометы "просторечие". Если в теоретической русистике возникло недоразумение – недопустимая двусмысленность этого термина (1. – сниженность, разговорность и 2. – неграмотность, сигнал необразованности), то тащить эту несуразность в словарь, где нет возможности при каждой поставленной помете "прост." извиняться за ее применение, практически невозможно. За один этот отказ от такого просторечия данный словарь должен быть особо отмечен.

Основное достоинство БТС-98 в том, что он богаче и точнее других. В нем есть все (гиперболично, конечно). Это заметно отличает его от аналогичных словарей. Проблема семантизации и омонимии решена в основном правильно.

Рецензия на словарь необыкновенно

* Рецензия написана в период стажировки автора в Упсальском университете, субсидированной Шведским фондом интернационализации высшего образования и исследований (STINT).